

Пайков, Н. «Человек жизненной рутины» в поэзии Н. А. Некрасова. Статья вторая. Поэтика и творческая рефлексия. Аспекты духовного мировидения / Н. Пайков. — Текст : непосредственный // Русская литература. — 2007. — № 1. — С.

© Н. Н. ПАЙКОВ

**«ЧЕЛОВЕК ЖИЗНЕННОЙ РУТИНЫ»
В ПОЭЗИИ Н. А. НЕКРАСОВА.
СТАТЬЯ ВТОРАЯ. ПОЭТИКА
И ТВОРЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ.
АСПЕКТЫ ДУХОВНОГО МИРОВИДЕНИЯ***

При обсуждении проблемы «человека жизненной рутины» в поэзии Н. А. Некрасова перед нами встает не одна ценностная и жизнестроительная драма небанального человека. Есть еще и недюжинный поэт с внутренней логикой своего творческого становления и эстетическими свершениями на этом пути. Неужели в творческих исканиях Некрасова вопросы «пошлости и рутины» заняли сколько-нибудь значимое место? Это представляется не только несомненным, но и проявившимся самым значительным образом.

В первых своих поэтических опытах юный Некрасов еще всецело находится во власти романтических амплуа страстного «любownika», устремленного в неземные выси «певца», таинственного «сказителя», «моралиста-проповедника», гонимого и разочарованного «скитальца». Овладение каждым из них, при всех их различиях, жанрово-стилевой автономности и кажущейся самодостаточности, свидетельствует лишь об ученической готовности начинающего стихотворца отождествить свое авторское сознание с очередным типом «готового» (по М. М. Бахтину) мироотношения. Естественно, здесь нет оснований говорить о какой бы то ни было дистанции между сознанием автора и лирического повествователя — последний и есть прямая художественная реализация избранной автором роли. И лишь в стихотворении «Разговор» (1839), завершающем первый поэтический сборник Некрасова и организованном по типу барочного или же средневекового «прения» двух отвлеченных субстанций — «души» и «тела», — мы сталкиваемся со случаем, когда обнимаемая единым авторским мирозерцанием позиция лирического высказывания распадается на две контрастно противостоящие друг другу инстанции,¹ каждая из которых явлена читателю в качестве самостоятельного субъекта речи и сознания.

С 1840 года, как мы помним, в творчестве Некрасова наступает принципиально иная эпоха — поэзии «эгоистической». Может ли она быть осмыслена в эстетическом отношении? Существовал ли некий перспективно устремленный художественный смысл в том «площадном» комизме,² которому, казалось, так безоглядно предался ориентирующийся на невзыска-

* Статью первую — «Этика жизнестроительства» — см.: Русская литература. 2006. № 4.

¹ Автору стихотворения, конечно же, интимно ближе позиция «души», но вовсе не чужда и позиция «тела». Его проблема — не в опровержении лжи истиной, а в столкновении не отрицающих друг друга прав!

² По крайней мере классическая эстетика еще так смотрела на «низкий комизм». См.: Буало Н. Поэтическое искусство. М., 1957. С. 89.